

**Фольклорно-мифологическая основа библейских сюжетов в стихах
Николая Клюева**

Поэт Николай Клюев – образованнейший для своего времени человек, владел тремя языками, знал древнерусскую архитектуру, духовную и светскую литературу, хорошо разбирался в иконописи. Клюев изучил произведения былинного и песенного фольклора, знал наизусть произведения многих русских классиков, в подлиннике читал произведения французских поэтов. В русской и мировой литературе его называли мифотворцем 20 века. Творчество поэта многопланово, но одной из ярких сторон его произведений является художественное использование сюжетов Ветхого и Нового Завета. Выходец из старообрядческой семьи, хорошо знавший учение «огненного» Аввакума, Клюев прошел в дальнейшем послушание в сектах у соловецких старцев. Клюев хорошо знает быт и фольклор русского и других народов, каноническую и апокрифическую христианскую мифологию, включая хлыстовство и скопчество, традиционные и языческие верования. Древнеправославные взгляды поэта переплетались с сектантским верованием, но все же Клюев до конца не принял песнопения и гимны сектантов, хотя и использовал их в произведениях. В своих воззрениях Клюев опирается на Евангелие и очень осторожно идет к образу Христа. Работая над мистическими сюжетами, Клюев обращается к различным фольклорным мотивам, притчам, легендам, сказаниям из Библии. Его стихи насыщены измененными или приведенными доподлинно молитвами и словами из псалмов: *«Со святыми упокой» («Вражья сила», 1914-1916)* - измененные слова из молитвы об умерших: *«Упокой, Господи, душу раба твоего»; «Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко» («Погорельщина», 1928)* – Лк., 2, 26 (Лк. – Евангелие от Луки, 2 – номер главы, 26 – номер стиха) - возглас Симеона, которому было предсказано, что он не умрет, покуда не увидит Христа, которому Симеон впоследствии пророчествовал миссию Спасителя. Идеи современной церкви были чужды

Клюеву, ибо многое из того, что являлось святым, подверглось глумлению. Церковь и государство, с точки зрения старообрядцев, подпали под власть антихриста.

В произведениях Клюева часто встречаются имена святых и апостолов. Самым популярным в России святым считался Николай угодник, Николай чудотворец. *«В фольклорных текстах Никола может смешиваться с Богом»* (12, 7). Отождествление св. Николы с Христом характерно как для русской, так и западнославянской традиции. *«У восточных и западных славян образ святого Николая по своим функциям («начальник» рая – владеет ключами от неба; перевозит души на «тот свет»; покровительствует ратникам) может контаминироваться с образом святого Михаила»* (9, 322). О нем существовало много легенд, сказок, заговоров, в которых он защищает от колдунов, порчи, болезней, исцеляет людей и скот. *«Его считали помощником крестьян, покровителем путешественников, победителем бесов»* (2, 868). В народе его называли ласково не иначе, как Миколою или Николою (**«Сказ грядущий»**, 1917): *И Микулушка – кормилец верный наш* (6, 360). С его именем шли солдаты в неравный бой за родину, к нему обращались в своих молитвах в трудный час за помощью. По древнему русскому обычаю солдаты менялись перед боем крестами, клялись друг другу в верности, *«давали зароки великие»*. Эти народные обычаи отражены в стихотворении **«Что ты, нивушка, чернешенька»** (1915), написанном в духе былинных сказаний: Друг со другом крестами менялися, Полагали зароки великие: *«Постоим-де мы, братцы, за родину, За мирскую Миколову пахоту...»* (6, 271).

Имена святых в стихах Клюева использованы не сами по себе, а в связи с древними преданиями из священных книг, которые поэт постоянно использует в своих произведениях. Так, Иван Креститель – по Евангелию, аскет, пустынный, пророк, предсказавший пришествие Христа и крестивший Его в реке Иордан. Бог открыл ему, что Сын Его придет к нему и во время крещения Христа проповедник Иоанн увидит знамение в виде голубя, опускающе-

гося на Сына Божия (*Мф.*, 4, 16). Об этом Клюев не раз упоминает в **«Избятных песнях» (1916)**: *Там Митрий Солунский, с Миколою Влас Святых обряжают в камлот и атлас, Креститель Иван с ендовы расписной Их поит живой иорданской водой!..* (6, 233). *«В связи с христианским преданием об усекновении головы Иоанна Крестителя к последнему обращались с молитвами об исцелении от головной боли»* (9, 107). В стихотворении **«Строгановские иконы» (1919)** Клюев намекает на евангельский рассказ о казни Иоанна Крестителя. Саломея, племянница царя Иудеи Ирода, на дне рождения *«угодила ему своею пляской. В награду за это, по совету матери, попросила голову Иоанна Крестителя. Палач совершил казнь и, по условию, подал Саломее на блюде голову Иоанна»* (*Мф.*, 14, 6-11): *И восплачет с главою на блюде Плясея Кровавых Времен.* (6, 436). Евангельская притча о казни Иоанна Крестителя встречается не раз в произведениях Клюева: **«Отрубленная голова» (1919)**, **«Дремлю с медведем в обнимку» (19 ноября 1921)**, **«От березовой жилы повытекла Волга» (1921 или 1922)**, **«Мать–Суббота» (1922)**, **«Погорельщина» (1928)**. О дне памяти Иоанна Предтечи (Усекновение главы Иоанна Крестителя), который приходится на 29 авг. (11 сент.), когда принято помянуть всех усопших, особенно воинов, говорит Клюев и в поэме **«Песнь о Великой Матери» (между 1929 и 1934)**.

Упоминание имени апостола Петра (**«Поселиться в лесной избушке», 1919**) связано с притчей из Ветхого Завета о его трехкратном отречении от Иисуса. Петр – сын гагилейского рыбака Ионы, один из трех ближайших и преданных учеников Христа. По совершении тайной вечери Христос предрекает троекратное отречение Петра *«в ту ночь, нежели пропоет петух»*. Христос был схвачен, и Петр, признанный рабами и служанками, трижды отрекся с клятвою, что не знает Иисуса. В это время запел петух, что напомнило Петру пророчество Христа и вызвало слезы горького раскаяния (*Мф.* 26, 75; *Иоан.* 18, 27). Клюев, сперва принявший революционные преобразования Октября, **«литаврный семнадцатый год»**, впоследствии раскаивается в этом и мечтает

об одном («**Поселиться в лесной избушке**», 1919): *Поселиться в лесной избушке С кудесником-петухом, Чтоб не знать, как боровы-пушки Изрыгают чугунный гром. (6, 431)*. Поэт проводит в этом стихотворении параллель между современными ему событиями и преданиями священного прошлого: *Но в ночи кукарекнет петел, Как назад две тысячи лет. (6, 431)*. Первым, кому после воскрешения явился Иисус, был апостол Петр. Спрашивая Петра три раза, любит ли он Христа, Иисус этим напомнил Петру, что он три раза от Него отрекся, сказав: «*Не знаю этого человека*» (Лк., 22, 61-62). Первым Иисус явился Петру не потому, что Господь любил Симона Петра больше, чем других апостолов; мы знаем, что любимым его учеником был Иоанн, но Господь знал, как глубоко был огорчен Петр тем, что отрекся от Господа. Всю свою жизнь после воскрешения Христа апостол Петр проповедовал его учение, именем Иисуса исцелял больных и восстанавливал им силы. День памяти Петра и Павла (в народе – «Петров день», 29. VI/12.VII.) до сих пор является почитаемым праздником на Руси. У него много общего с Ивановым днем (Ивана Купалы), который считался пограничным днем лета. «*По русским поверьям, в Петров день святой Петр якобы «оплевал» листья, поэтому после этого дня уже не заготавливали трав и растений, не ломали ветки на веники и т. п. В южнорусских губерниях на рассвете Петрова дня люди ходили «караулить солнце»: смотреть, как при восходе оно играет, переливаясь разными цветами. У восточных славян (особенно у русских) в ночь на Петров день часто совершались бесчинства*» (9, 363). В стихотворении «**Поселиться в лесной избушке**» (1919) Клюев говорит еще об одном предании из Евангелие, связанном с именем Петра и с его раскаянием: *О, распните меня, распните, Как Петра, - головою вниз! (6, 432)*. Апостол Петр принял мученическую смерть на кресте, но он считал себя недостойным быть распятым так, как Иисус, поэтому Петр со слезами горького раскаяния упросил, чтобы его распяли головой вниз, о чем и упоминает Клюев в конце данного произведения. Тема отречения Петра и его смерти проходит также в стихотворе-

нии «Зарезать родную мать» (между 1919 и 1921): *Отречься до петухов, Как Петру, с пугливою клятвой* (6, 462); и в поэме «Мать-Суббота» (1922): *Камень привален, и плачущий Петр В ночи всемирной стоит у ворот* (6, 648); и в поэме «Песнь о Великой Матери» (между 1929 и 1934): *Вон ель – крестом с Петром распятым Вниз головой – брада на ветре* (6, 785).

Тему предательства Клюев проводит также через образ Иуды Искарриота (Мф., 27, 3), являющегося, по Евангелию, одним из двенадцати учеников Христа и предавшим своего учителя за тридцать монет первосвященникам Иудеи («Есть каменные небеса», между 1916 и 1918): *Хитрец и двоедушный плут – Вот боговидящему кличка...Для сталактитовых Иуд Не нужно красного яичка. Им тридцать сребренников дай, На плечи упроченные лавры* (6, 323). «Двоедушными считались люди, рожденные с двумя душами – человеческой и демонической (или двумя сердцами) и поэтому обладающие демоническими свойствами» (9, 128). Но скорее всего Клюев называет Иуду двоедушным за его лицемерие и предательство. Согласно библейской легенде (Мф. 27, 5), Иуда Искарриот, терзаясь угрызениями совести, повесился на осине. В стихотворении «В степи чумацкая зола» (март-апрель 1921) Клюев, говоря о «тропе к иудиным осинам», подразумевал путь к позорной смерти. В этом стихотворении Иудой он называет Мариенгофа, которого Клюев ревновал к Есенину и просил друга остерегаться его: *Их поливал Мариенгоф Кофейной гущей с никотином...От оклеветанных голгоф – Тропа к иудиным осинам.* (6, 499).

Стихи на библейские сюжеты, имеющие черты мистики, подчинялись тем же законам, что и житейско-бытовая лирика. В них невозможно отделить реальное от воображаемого, действительное от вымышленного. Клюев в своем языке талантливо сочетал архаику прошлого, староречевую фразеологию, мистически обрядовую символику и бытовой фольклор. Например, лирический герой произведения «Я был в духе в день воскресный» (1908) утверждает, что он слышал голос Архистратига и: *Видел ратей колесницы, Судный*

жертвенник и крест, Указующей десницы Путеводно - млечный перст. (6, 110). Вся эта сценка целиком принадлежит вымыслу поэта, но сюжеты возникли на основе сказаний и притчей из Евангелия, Библии и других церковных книг. Произведения на эту тему представляют собой чаще всего наглядные сценки, в которых описаны вымышленные ситуации условно-фантастического образа в природе. В результате элементы бытового фольклора соединены с элементами условно-мистическими. Это можно отнести к таким стихам, как: **«Мы любим то, чему названья нет...» (1907), «Горные звезды как росы...» (1908), «Ты все келейнее и строже...» (1908)** и др.

На Руси издавна существовали обряды поклонения святым. Так, например, широко распространен на Руси был культ Ильи пророка, в народной традиции повелителя грома, дождя, молнии. *«Согласно славянским народным легендам, опирающимся на библейскую традицию, Илья был взят живым на небо. До 33-х лет Илья не мог ходить и был исцелен и наделен огромной силой Богом и св. Николаем, после чего был вознесен на небо» (9, 201).* Его образ лег в основу былины об Илье Муромце. По народным поверьям, он получил силу укрощать огненную стихию, посылать дождь, исцелять недуги. В России в Ильин день совершались молебны, запрещались многие виды сельскохозяйственных и домашних работ. Илья – *«грозный святой»*, который ездит по небу на огненной колеснице, запряженной огненными жеребцами. Эти народные верования и передает Клюев в стихотворении **«Поминный причит» (1915):** *Напоследки же громовник Илья, Со Еремою запрягальником
Снаряжают им поезд огненный, - Звездных мерин с колымагами (6, 266).* С именем Ильи связываются многие народные поговорки: *«на Илью до обеда лето, а после обеда осень»*, т. к. Ильин день был календарной серединой лета; *«Илья жниво зачинает»*, *«Илья-пророк, косьбе срок»*. Чтобы умилостивить *«грозного святого»*, на полях оставляли клочок неубранной пшеницы или ржи – *«бороду Илье»*, *«Спасову бороду»*. Нередко этот обряд сопровождался присутствием хлеба с солью, которые клали при сборе урожая на кусок

полотна (скатерть), камень или просто на землю. Исследуя этот обряд, Д. Зеленин писал: *«В Нижнедевицком уезде о таком посоленном куске хлеба, вяжываемом в бороду, говорят, что это «на закуску Ильи наделяшшему» (4, 65).* Такой обычай соблюдался до недавнего времени у нас, в Воронежской области. *«Имя Ильи может заменяться именем Егорья» (12, 36).* Другой ветхозаветный пророк, имя которого часто упоминает Клюев, – пр. Иеремия, Ерема. *«В народе получил название Запрягальника или Запашника, так как обычно около дня его памяти, 1(14) мая, начинались важнейшие сельскохозяйственные работы, которые преимущественно совершались с использованием подъяремных животных» (2, 876).* Егорию Храброму, Георгию Победоносцу, одному из наиболее почитаемых воинов-святых, посвящено немало стихотворных строк Клюева (**«Избяные песни, 1914»**): *Там, минуючи зарю, Ширь безвестных плоскогорий, Одолеть судьбу-змею Скачет пламенный Егорий (6, 241).* По преданию Георгий Победоносец своим копьем убил змея. В народных верованиях выступает как защитник людей и домашнего скота от злых сил. *«К Егорьеву (Юрьеву) дню 23 апреля (6 мая) приурочивался обычно выгон скота в поле и завершался сев яровых» (2, 870).* Праздник св. Георгия отмечался на Руси дважды: 23 апреля (весенний, «зеленый» Юрий) и 26 ноября. Эти две даты были *«знаками начала и конца сельскохозяйственного календаря» (10, 13).* Имя Храброго Егория поэт непременно упоминает и в поминальных словах овдовевших солдаток (**«В этот год за святыми обеднями», 1915**): *«Полетай, моя дума болезная, Дятлом-птицею в сыр-темен бор...» На загуменье ж поступь железная – Полуночный Егоров дозор (6, 269).* Родной Поморский край, воспоминания детства Клюев связывает с именем святого Егория (**«Плач о Сергее Есенине», 1926**): *Мой край, мое Поморье, Где песня в глубине, Твои ледины, взгорья Дозорены Егорьем На лебде-коне! (6, 660).*

Много поэтических строк Клюев посвящает Аввакуму, крупнейшему представителю раннего старообрядчества, писателю и пламенному публици-

сту («**Песнь о Великой Матери**», между 1929 и 1934): *Се – Аввакум горячий, Из свитка, меда слаще, Питается огнем.* (6, 742). На него Клюев всю жизнь равняется, следует его «огненным» проповедям. В стихах же этот образ художественно интерпретирован; поэт сравнивает его с героем народных сказок – Финистом: *Иль Богородицы покров Им домоседная онуча? И горлиц на костер горячий Не кличет Финист-Аввакум?* (6, 790). Упоминание покрова Пресвятой Богородицы означало по русскому народному календарю начало зимы, первое зазимье. Согласно преданию, «в Константинополе в X в., во время осады города врагами, Андрей юродивый со своим учеником Епифанием, находясь во Влахернском храме на всенощном бдении, увидели на воздухе Богоматерь с сонмом святых, молящуюся и распростершую свой покров над христианами. В честь этого события установлен праздник и отмечается он 1(14) окт.» (2, 985). Этот праздник был широко почитаем на Руси. Клюев придавал ему большое значение, поэтому упоминание о нем не случайно. Одну из своих поэм («**Погорельщина**», 1928) поэт не просто датирует, а подписывает: «*День Покрова Пресвятая Богородицы*». Как и старообрядцы, Клюев приверженец двоперстия. Одно из его стихотворений так и называется: «**Кто за что, а я за двоперстье**» (1928). О «двоперстном огненном кресте», о гонениях старообрядцев упоминает Клюев и в своей последней поэме «**Песнь о Великой Матери**» (между 1929 и 1934): *Иконы – греческая прорись, Что за двоперстие боролись, От Никона до Питирима Укрыла их лесная схима.* (6, 724). Старообрядцы отличались особенной чистоплотностью. Некрашенный пол и деревянные лавки в своих домах по субботам они натирают до блеска песком, до белизны скоблят ножом. «*Особенно тщательно следят за чистотой в тех домах, где есть взрослая дочь-невеста, иначе никто не захочет на ней жениться*» (3, 280). Об этом обычае старообрядцев пишет поэт в поэме «**Песнь о Великой Матери**» (между 1929 и 1934): *Суббота горенку любила, Песком с дерюгой, что есть силы, Полы и лавицы скребла И для душистого тепла Лежанку пихтою топила,*

Опосле охрой подводила Цветули на ее боках (6, 714). В этой же поэме Клюев говорит еще об одном обычае старообрядцев: они не пользовались мылом, считая его греховным и заменяли его золой: *«Что ты, Паня! Отмоемся золою в бане... (6, 733).* В исследовании этнографа Д. Зеленина об этом обряде узнаем, что *«староверы саму мысль о мыле считают «нечистой» и потому полагают греховным пользоваться им при мытье. В бане на полу стоят бочки для холодной и горячей воды и щелока (отвар золы, настой кипятка на золе)» (3, 280-283).* Староверие освящает все царство природы: *«осина смотрит староверкой» - «Уже хоронится от слезки»» (6, 262); «галка-староверка ходит в черной ряске» - «Галка-староверка ходит в черной ряске» (6, 282); «бадожок Каргопольского бегуна – коромысло весов вселенной» - «Медный кит» (6, 392).* В центре этого сакрального мира располагается *«изба-святилище земли».* Но староверие воспринималось Клюевым как проекция всей культуры крестьянской Руси, включавшей в себя старообрядчество, православную набожность, а также сектантство. Религиозно-нравственные и поэтические истоки дара Клюева восходят к матери. Ей он посвятил много своих поэтических строк, перед ней он преклонялся и очень тосковал после ее смерти. Природную талантливость матери Клюев возводил в идеал: *«Тысячи стихов, моих ли или тех поэтов, которых я знаю в России, не стоят одного распевца моей светлой матери» (5, 153).* Рисуя картины Севера, Олонецкого края, сцены из детства, Клюев передает местные особенности говора, севернорусские этнографические традиции и обряды Поморья. В поэме **«Песнь о Великой Матери»**, Клюев приводит полностью имя и фамилию своей героини: *И что у Клюевой Прасковьи Цветок в тесовом изголовье (6, 756).* В переводе с греческого Прасковья означает – пятница. *«Параскева-Пятница – покровительница полей и скота... Она - исцелительница от самых тяжелых телесных и духовных недугов» (2, 877).* Женщина-мать в стихах Клюева – это, в первую очередь, женщина-хозяйка: *Парасковья-Пятница С чашей, что вовек не убавится (6, 770).* Пятница, как день недели,

был почитаем на Руси. Его соотносили с днем памяти о «*страстях Господних*». Это был день строгого поста и так же, как в воскресенье, в пятницу запрещались «ради здоровья» все «женские» дела по дому: стирка белья, мытье, ткачество, шитье. «*Персонафицированный образ Пятницы известен всем славянам; народная святая Пятница (также и св. Неделя) – покровительница прях и рожениц, часто отождествляется с христианской святой Параскевой Пятницей и с Богородицей*» (9, 400). В образе матери Клюев воспевает великое женское начало.

Многие другие библейские мотивы нашли свое отражение в стихах Клюева. Это - ветхозаветные притчи о всемирном потопе, о Ное и его ковчеге, о грехе Адама и Евы, о рождении, распятии и воскрешении Христа. Так в стихотворении «**Прельщение**» (1909) поэт упоминает притчу об Адамовом грехе (1, 12): *И Господа рука прельщение в скрижали С Адамовым грехом зашишет наряду* (6, 118). В Ветхом завете человек и отец человеческого рода нарушил предписания Бога, вкусив запретный плод с дерева познания, за что вместе с Евой, первой женщиной, был изгнан из рая (1, 17). Бессмертие же получил змей, совративший Еву съесть яблоко с дерева познания. Ему же самому оставались плоды с дерева жизни. Этот мотив бессмертия, отразившийся впоследствии в народных сказках, встречаем и у Клюева («**Плач о Есенине**», 1926): *Твоя судьба – гагара С Кащеевым яйцом...* (6, 653). Тема человеческого греха проходит и в стихотворении «**Полунощница**» (1912): *Человечий бранный род Согрешил в Адаме, - Мы омыты вместо вод Крестными кровями.* (6, 159). В первой строке стихотворения «**Красный Адам**», (1919) Клюев намекает на изгнание из рая Адама и Евы за нарушение наказа Бога (1, 17): *Была разлука с Единым, На горе гор, у реки животной* (6, 424). В словах же «*Улыбчивой твари даю имена*» Клюев намекает на притчу о том, как Адам давал имена «*всем птицам и всем зверям полевым*» (1, 7-8). Бог устроил блаженную жизнь нашим прародителям в счастливом саду. Здесь произрастали всевозможные деревья; животные жили в мире друг с другом и с че-

ловеком; мужчина и женщина не знали стыда и жили в невинном «рае золотом», куда переносится порой поэт в своих мечтах (**«На овинной паперти Пасха», между 1916 и 1918**): *Сгинь, перо и вурдалак-бумага! Убежать от вас в суслонный храм, Где ячменной наготой Адама Дух свежит, как ключ в глуши оврага.* (6, 320). Вкусив запретный плод с дерева познания добра и зла, Адам и Ева стали стыдиться своей наготы. Коварный змей уговорил человеческим голосом легковерную Еву вкусить яблоко с запретного дерева, а та дала попробовать его Адаму. За это Бог проклял змея, навеки осудив его ползать по земле и глотать прах земной, а земле назначил производить чертополох и тернии; Бог проклял женщину, осудив ее рожать в муках и быть у мужа в подчинении; он проклял и мужчину, заставив его в поте лица своего добывать хлеб насущный. Змей в стихах Клюева носит всегда негативный окрас, например, в стихотворении **«Путь надмирный совершая» (1909, 1912)**: *И, грозя кровавым жалом, На триумфе запоздалом Зашипит тлетворно Змей.* (6, 117). Ветхозаветная притча вращается вокруг древа познания добра и зла; оно занимает центральное место в сцене. Но было и другое дерево – дерево жизни, рассказ о котором находится в тени. Д.Фрэнгер считает, что «в рассказ о двух деревьях вкралось какое-то позднее искажение и что в первоначальной версии древо жизни играло не столь пассивную и чисто декоративную роль. Некоторые поэтому полагают, что первоначально существовали два различных предания о грехопадении...библейский автор довольно неуклюже соединил оба предания вместе» (12, 32). Природа жизни и смерти издавна интересовала человека; это было попыткой объяснить тот факт, что люди лишились бессмертия исключительно благодаря коварству змея. «Многие дикари верят, что благодаря своей способности периодически сбрасывать кожу некоторые животные, в особенности змеи, возвращают себе молодость и никогда не умирают» (12, 46). Можно предположить, что мотив сбрасывания кожи лягушки-царевны, наряду с мотивом оборотничества, восходит к библейскому мотиву бессмертия. В волшебных сказках, как в зерка-

ле, отражаются народные верования. В русской народной сказке смерть нередко хранится в каком-либо внешнем предмете: в сундуке, в сундуке - ларец, в ларце – заяц, в зайце – утка, а в утке – яйцо. Возможно, так библейский мотив бессмертия отразился в русском сказочном фольклоре. У Клюева образы Адама и Евы упоминаются еще в ряде стихотворений: **«Святая быль» (1912)**, **«Скрытный стих» (1914)**, **«Родина, я грешен, грешен» (1919)**, **«От березовой жилы повытекла Волга» (1921 или 1922)**, **«Я здесь» - ответило мне тело» (между 1916 и 1918)**.

Одним из героев стихотворения **«Уже хоронится от слезки» (1915)** является Ной – ветхозаветный пророк, спасшийся от всемирного потопа на построенном им по велению бога ковчеге (1, 25): *Как Ной ковчег, готовит дровни К веселым заморозкам дед* (6, 263). Полагают, что ковчег Ноя остановился где-то между Арменией и Ираном около вулкана Арарат, о чем идет речь в стихотворении **«Есть каменные небеса» (между 1916 и 1918)**: *И кто уверится, что Ной Досель на дымном Арарате, И что когда-то посох мой Сразил египетские рати?* (6, 322). В последних строчках приведенного отрывка имеется ввиду ветхозаветный рассказ о походе евреев из Египта во главе с Моисеем. Египтяне преследовали израильтян, но были сражены чудодейственным жезлом Моисея (1, 108). Клюев упоминает в этом стихотворении пророка Моисея: *«Не Моисею отчий край»* (6, 323), который получил от Бога на горе Синай при блеске молний и ударах грома *«скрижали завета»* (законы) для своего народа (1, 122). Этой же библейской теме касается поэт и в стихотворении **«Вечер ржавой позолотой» (1917 или 1918)**. Упоминание о вулкане Арарат – *«От Арарата до Поморья»* (6, 626) находим и в цикле **«Разруха» (1934)**. Арарат воспринимается Клюевым как место спокойствия и умиротворения, где хотел бы найти приют и сам автор. Неоднократно говорит Клюева и о другом заветном месте, о *«голубином Назарете»*, куда хотела бы устремиться душа человека, где бы она жила, *«как на облачном Фаворе»* – *«о рае золотом»* (**«На кресте»**, 1912): *Лестница золотая Прянула с не-*

бес. Вижу, умирая, Райских кринов лес (6, 180). В христианстве существовало представление о многих небесах. Апокрифическая литература и народные поверья упоминают семь или девять небес. Соответственно рай помещался на третьем из семи небес, или на седьмом из девяти, в последнем – «сокровища жизни и праведность души» (**«Песнь утешения», 1912**): *Победительные громы До седьмых дойдут небес (6, 176)*. В этом стихотворении Клюев упоминает гору Фавор, расположенную близ Назарета и происшедшее там событие Преображения Господне, свидетелями которого стали апостолы Иоанн, Петр и Иаков (*Мф., 17, 1-2; Лк., 6, 12-14; Мк., 3, 13-17*): *Красотой затмите зори, Славу звезд, луны чертог, Как бывало на Фаворе У Христовых чистых ног (6, 176)*. В библейских пророческих книгах имя Саваоф встречается в сочетании «Господь воинств». Под «воинством» Саваофа подразумевается солнце, луна и звезды, «все воинство небесное», выступающие стройно и послушные «уставам неба» (7, 474). В России этот праздник известен, как Второй, или Яблочный Спас. «Преображение Господне – двенадцатый праздник, отмечаемый 6/19. VIII. В народном календаре – один из первых праздников урожая» (9, 390). До сих пор живет евангельская легенда о том, что святой Петр трясет в раю яблоню и угощает плодами души умерших детей. Если же чья-либо мать, у которой умерли дети, не соблюдала этот запрет, то ее ребенок лишался яблока. И сегодня в праздник Преображения Господне народ несет для освещения в церковь яблоки и другие плоды нового урожая. Большая часть окропленных святой водой яблок отдавалась нищим. В народе говорят: «На святой Спас и нищий яблочко съест».

Итак, подведем итоги. Николай Клюев – глубоко религиозный человек, приверженец старой православной веры в хлыстовском виде. Взгляды поэта нашли отражение в его творчестве. Поэзия Клюева представляет собой «великий синтез» древних народно-христианских традиций, старообрядческого вероисповедания, древнеправославной книжности, в основе которой лежит Библия, и божественного дара поэта. Нередко в стихах Клюева критики от-

мечают «перенасыщенность» библейскими сюжетами и мотивами. Легенды и сказания из Евангелия тесно переплетаются с древними народными традициями, со старообрядческой словесностью и взаимодополняют друг друга. В своих стихах Клюев часто обращается к святым и апостолам, продолжавшим учение Христа, использует сюжеты из Священного писания. Некоторые православные молитвы приводятся доподлинно, другие - в измененном виде, но чаще Клюев художественно перерабатывает библейский фольклор, включая его в нить «лирического эпоса» и показывая тем самым глубокое знание как библейского фольклора, так и народного творчества Севера России, местных традиций и обычаев Олонецкого края. Язык стихов Клюева насыщен древними церковными словами, староречевой фразеологией, архаизмами, редко употребляемыми словами и диалектизмами родного Поморья, для понимания которых поэт приводит словарь местных слов и выражений. Многие поэтические произведения Клюева написаны в духе «библейских стихов», которые нередко становились заменой христианской проповеди.

Литература

1. Библия. – София, 1998.
2. Гарнин В. П. Примечания / Клюев Н. Сердце единорога. – СПб., 1999, с. 817-987.
3. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. – М., 1991.
4. Зеленин Д. К. Статьи по духовной культуре 1917-1934. – М., 1999.
5. Клюев Н. Гагарья судьбина. // Св. 1992, № 6.
6. Клюев Н. Сердце единорога. – СПб., 1999.
7. Мифология. Большой энциклопедический словарь. – М., 1998.
8. Новый Завет. – М., 2001.
9. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М., 2002.
10. Соколов Б. М. Большой стих о Егории Храбром. – М., 1995.
11. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). – М., 1982.
12. Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом Завете. – М., 2003.